

УДК 82–1

Л.Р. Шевлякова, В.В. Мещерякова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: lubovsh2@gmail.com)*

Герменевтика жанра современной антиутопии

Авторами статьи с опорой на теоретические работы проведен глубокий анализ текстов антиутопий от первых антиутопических произведений до произведений, созданных на новом витке развития жанра в 1960–2000-е гг. Авторами детальному рассмотрению подвержены специфика антиутопического конфликта, тип общественного устройства и характер тотального давления на личность и т.д. Представлен сопоставительный анализ утопии и антиутопии, на этом фоне выделены конститутивные и факультативные жанровые признаки антиутопии.

Ключевые слова: антиутопия, герменевтика жанра, антиутопический конфликт, «повесть-притча», социально-философская фантастика, противостояние Личности и Государства, антиутопическая атмосфера, социальный строй, методы воздействия на человека.

Жанр антиутопии в мировой литературе уже давно зарекомендовал себя как один из самых интересных и глубокомысленных жанров. При этом он является достаточно молодым. Развитие антиутопии в русской литературе ввиду своеобразия политической обстановки XX в. оказалось достаточно тяжелым, и долгое время антиутопия была недоступна русскоязычной публике. Позднее этот жанр снова получил возможность своего развития в русской литературе и неожиданное распространение. На сегодняшний день антиутопические произведения являются одними из самых привлекательных для современного читателя. Несмотря на наступившую популярность антиутопий, в литературоведении на нынешний момент наблюдается некоторая нехватка и разрозненность теоретического материала по их жанровой природе.

Общественно-политический взрыв конца 80-х годов XX в. в СССР дал новый виток развитию русской антиутопии. Тому способствовало новое восприятие общественностью тех событий, которые привели идею об утопии к краху. Полное несоответствие между идеалом и результатом восхождения к мечте оголило последствия всего революционного движения, частным последствием которого стал человек, разуверившийся в массовом счастье. Ярким событием того времени стало падение границ между культурами Союза и Запада. И в таком положении в русскую литературу входят небольшие рассказы антиутопической направленности. Некоторые исследователи обозначили их как «постутопии». Первейшее отличие постутопии от классической антиутопии находим уже в масштабе изображаемых событий. Эти рассказы эскапистского настроения вобрали в себя, однако, все черты канонической антиутопии, совместив их с реальным образом России 80–90-х годов. Это взаимодействие ясней всего прослеживается через ассоциации, воспоминания героев, темы и мотивы, отраженные в сюжетах. Продолжением канонического сюжета в постутопии является ирония, неожиданно совпавшая с иронией самого героя. Она становится сущностью героя, способом его существования и защиты от государства.

Прежде чем перейти к антиутопиям современного периода, хотелось бы уделить внимание одному рассказу, написанному некогда популярным писателем Е.Д.Зозулей, — «Об Аке и человечестве». Он был напечатан весной 1919 г. в первом и единственном номере журнала «Зори». «Рассказ об

Аке и человечестве» (впоследствии он неоднократно переиздавался) современный исследователь определяет как «сатирическую философскую сказку». С наименьшими основаниями, полагаю, «Рассказ об Аке...» можно определить как весьма мрачную антиутопию, впитавшую исторический опыт недавнего прошлого», — говорит Мирон Семенович Петровский [1].

В данном произведении Е.Д.Зозуля показывает нам некий город, ошарашенный новостью: Коллегия Высшей Решимости проводит проверку каждого жителя города на его право на жизнь. Как нам становится известно, эту Коллегию выбрали незадолго до происходящих событий сами жители. Председатель Коллегии — некий Ак, пользующийся авторитетом среди горожан. Вера в справедливость Ака дает людям надежду на то, что в процессе проверки комиссия будет не менее справедлива и щепетильна. Сама же суть проверки состоит в том, что каждого человека тестируют со всевозможных сторон: проверяют физиологические показатели, моральные качества, идеологические и иные пристрастия. По совокупности результатов горожанину сообщают, имеет ли он право на то, чтобы и дальше быть членом человеческого общества. Если же ответ дается отрицательный, то приговоренному жителю дается всего 24 часа на то, чтобы он добровольно ушел из жизни. Если же по каким-то причинам человек не желает или не может покинуть жизнь самостоятельно, ему в этом должны помочь друзья, близкие или же специальные вооруженные отряды.

Решение Коллегии о столь резком, жестоком и очень своеобразном способе сделать общество лучше очень пугает жителей. Каждый боится за себя и родных и искренне надеется, что его признают нужным человеком. Мгновенно всплывают в воспоминаниях людей различные эпизоды их жизни, когда они проявляли гуманизм, альтруизм, героические качества своего характера. За эти воспоминания люди цепляются как за спасательный круг, способный вытащить его из «политической мясорубки». Те же, кому вспомнить особо нечего, утешают себя осознанием того, что они сами выбрали Коллегию Высшей Решимости и теперь не имеют права роптать на ее членов за столь изощренные меры. «Но ведь мы же сами выбрали Коллегию Высшей Решимости. Мы сами дали ей высшие полномочия. ...

Мы сами виноваты. Но ведь мы хотели создать лучшую жизнь. Кто же знал, что Коллегия так просто и страшно подойдет к этому вопросу!» [2; 263].

Данная акция, призванная уничтожить всех ненужных людей, в конечном итоге показывает свою полную несостоятельность. Практически каждый из проверяемых Коллегией людей оказывается в той или иной степени бесполезен для общества, к которому они стремятся. Многочисленными актами об уничтожении очень быстро набивают специальный серый шкаф. Именно в этом шкафу находится Ака потерявшая его Коллегия. Ак сидит на бесчисленных актах и ужасается: «Я думаю о людях, а думать о людях плодотворно можно непосредственно на актах их уничтожения. Только сидя на документах уничтожения человека, можно изучать его чрезвычайно странную жизнь» [2; 267].

Постепенно Аку становится противен весь тот процесс, который он же и запустил. В результате Ак решительно меняет направление работы Коллегии, приказывая отныне постоянно справляться у людей об их благосостоянии, поздравлять жителей с тем, что они существуют, отмечать в рапортах данные о всех праздничных мероприятиях, проводимых повсеместно. Рапорты же эти будут храниться в специальном розовом шкафу.

Тонкая сатира Ефима Зозули содержится в том, как именно ведет себя само человеческое общество в такие сложные времена. Коллегия решила изъять из общества ненужных — люди недовольны, потому как каждый боится за свою жизнь и жизнь близких. Когда Коллегия прекращает эту работу, общество вдруг осознает, что в свое время очень много ненужных людей Коллегия оставила на свете, хотя стоило бы их уничтожить. Когда же Коллегия начинает работать в новом ключе, поздравляя каждого жителя с фактом его существования, горожане очень быстро привыкают и потому оказываются недовольными каждый раз, когда им, как кажется, Коллегия забыла вовремя выразить радость о том, что они живут.

Отвратительное поведение самих горожан, разбалованных новой, счастливой жизнью, приводит, в конечном счете, к тому, что Ак, ранее принявший такое решение и начитавшийся всевозможных радостных докладов из розового шкафа, выбегает из него с вновь появившимся желанием уничтожать человечество.

Почему же это произведение мы называем антиутопией? Да потому, что нашему вниманию предлагается попытка общества измениться в лучшую сторону. Но меры, принимаемые специальным политическим аппаратом, вдруг начинают идти вразрез с мнением людей о том, как должно строиться такое общество. Возникает типичный для антиутопического произведения конфликт Личности и Государства. Люди не желают подчиняться варварским методам Коллегии Высшей Решимости.

Новоизбранное руководство сразу же превращает в собственном сознании и сознании людей каждую человеческую особь в единицу общественного строя. Происходит «расчеловечивание людей» [3].

При этом интересно, что Зозуля не дает указания на то, где происходят события. Изменению подвергается некий абстрактный город. На протяжении всего рассказа мы не встретим ни единого указания на местоположение строящейся утопии. Однако, учитывая, что все события происходят внутри всего лишь одного города, возникает вопрос: почему же в названии Ефим Зозуля говорит, что произведение будет об Аке и человечестве? Не об Аке и жителях или об Аке и горожанах. На этом факте акцентирует внимание М.С.Петровский, который говорит нам, что «выбранное Зозулей слово расщепляется на глазах. Речь идет то ли о совокупности земных жителей, то ли о человечности, гуманизме, а скорей всего — и о том, и о другом вместе» [1].

Рассказ этот, не отличаясь особой детализацией показанной нам системы, при этом очень четко указывает на первейшие причины невозможности построить идеальное общество при общей «неидеальности» людей. Сложность в определении стоящих и нестоящих людей выявляется разнообразием личностного набора качеств каждого человека. Отсутствие природной унификации моральной и физической сторон человеческой особи приводит к проблемам при попытке унификации общества в целом. Вспоминая антиутопии Замятина и Хаксли, мы приходим к выводу, что построить идеальное общество можно, только сделав людей совершенно одинаковыми.

Стоит отметить, что рассказ Ефима Зозули вышел тогда, когда Евгений Замятин размышлял над собственной антиутопией «Мы», и произвел большое впечатление на автора будущей классической мировой антиутопии [4].

Одной же из первых русских антиутопий, написанных после замятинского романа «Мы» еще в 1960-е гг., стала повесть Юлия Даниэля «Говорит Москва». События произведения происходят, как нужно полагать, в Советском Союзе. Компания друзей, собравшись для совместного отдыха на даче одного из них, вдруг слышит по радио странное сообщение о том, что 10-е августа 1960 г. объявляется Днем открытых убийств. В течение всего этого дня любому гражданину, достигшему шестнадцатилетнего возраста, разрешается умерщвлять любых граждан, за исключением военных и милиционеров, а также работников транспорта во время их работы. Такое дикое сообщение не сразу укладывается в головах тех, кто его прослушал. Каждый ждет какого-либо разъяснения. Некоторые предполагают, что это происки политических врагов государства.

На следующий день в газете «Известия» появляется целая статья, посвященная Дню открытых убийств. Однако никакого пояснения люди так и не получают, а вся статья состоит, по сути своей, из всевозможных политических лозунгов и шаблонных выражений, активно используемых в советской публицистике. Так и не поняв сути этого нововведения, люди постепенно успокаиваются, надеясь, что ничего особенного в этот день происходить не будет, а раз милиция будет работать, то будет и порядок. Однако спокойствию отныне нет места. Люди становятся слишком заискивающе-вежливы со всеми своими знакомыми, видимо, таким образом пытаясь подкрепить свое положение и оградить себя от ужаса, который может настичь любого гражданина 10-го августа. Обстановка в целом начинает напоминать те же самые настроения, что появлялись в произведении Ефима Зозули. Каждый мысленно ищет способ оправдать свое право на существование и право общества на то, чтобы избавиться от ненужных его членов: «...народ в первую очередь сведет счеты с хулиганами, с тунеядцами, с отбросами общества...» [5; 34].

Весомым фактором становится то, что здесь нет, как в истории про Аку, специальной комиссии, которая решает, кто нужен, а кто нет. Роль такой комиссии должно выполнить само общество. За месяц до самого Дня открытых убийств должно стать ясно, кого нужно из общества исключить. Но каждый человек понимает смысл проведения этого «мероприятия» по-своему. «Одни, как отсидевший свое в лагерях сосед по квартире, видят в этом Указе признак расширения демократии, другие, как Володька Маргулис, объясняют все кознями антисемитов, третьи, как возлюбленная Карцева Зоя, пытаются извлечь из этой ситуации выгоду» [6; 36]. Ни один человек на самом деле не задумался о том, чтобы попытаться «исправить» общество, выдернув из него асоциальные или вредные ему элементы. Разве что один из друзей Карцева, Игорь, «на каком-то собрании у себя в академии высказался в том смысле, что 10 августа есть результат мудрой политики нашей партии, что Указ еще раз свидетельствует о развертывании творческой инициативы народных масс — ну, и так далее, в обычном духе» [5; 29].

Постепенное накручивание обстановки страха приводит к тому, что в сам день 10-го августа на улицах практически безлюдно. Не будучи уверенными, что какой-либо человек может признать вас

неудобным или неприятным для себя и убить, люди закрываются в собственных домах и даже комнатах.

Первые разговоры о том, как прошел День открытых убийств, в обществе слышали только через несколько месяцев. Ведь только тогда страх, нагнанный перед этим днем, наконец-то рассеивается в сознании людей. В любой беседе, шутке, смехе, выражении лица можно проследить тень только одного слова — «миновало!».

Виктор, главный герой произведения, все произошедшее воспринимает как яркое проявление одной из черт самого советского режима. Ему представляется, что разрешение безнаказанно убивать заложено в нем изначально. Легализацию убийства Виктор понимает как попытку сделать его обычным явлением. Таким образом, можно увидеть даже некую параллель с миром О.Хаксли, у которого смерть человека в принципе не является событием ужасающим или трагическим.

Следующее произведение, которое мы рассмотрим в нашей статье, — «Кролики и удавы» Фазиля Искандера. Это произведение различные исследователи трактуют по-разному: «повесть-притча», социально-философская фантастика, фантастическая сказка. Но, помимо всего этого, «Кролики и удавы» — несомненная антиутопия. Представленное в произведении общество по-своему идеально устроено. Нам представляют ареал обитания нескольких «социальных» групп. Сюда входят туземцы, удавы, кролики, обезьяны и некоторые другие виды животного мира (слоны, кроты, птицы и т.д.). Весь сюжет строится вокруг первых четырех групп. Кролики живут в своем, отдельном королевстве. Внутри королевство строго вертикально иерархично. На вершине стоит Король, который управляет жизнью кроликов. Самые близкие его придворные называются «Допущенными к столу». Ниже них стоят те, кто желают быть «Допущенными к столу». Вся остальная масса кроликов — простые обыватели, не стремящиеся к управляющей верхушке. Жизнь кроликов могла бы быть просто идеальной, если бы не удавы, также обитающие в тех джунглях. Удавы постоянно охотятся на кроликов с целью пропитания. Встречаясь с кроликами, удавы гипнотизируют их и затем поедают. Кролики, отвлеченные внешним врагом, совершенно не замечают, что Король, захвативший власть в их обществе, удерживает власть сугубо за счет обмана своих подданных. Основное средство управления кроликами — байки, рассказываемые Королем, о том, что где-то существует мифическая плантация с лабораториями, где их же друзья-кролики вместе с учеными-туземцами ставят опыты по выращиванию цветной капусты. Цветная капуста — недостижимый идеал кроликов. Единственно, что может постоянно спланировать их и держать в хорошем настроении. А пока нет желаемой цветной капусты, кролики поклоняются «святой троице»: морковь, фасоль и капуста. Эти основные продукты питания кролики получают, успешно воруя их у туземцев.

На одном идеологическом цветно-капустном обмане власть Короля не может держаться долго. Периодически возникают кролики, которые оказываются опасными для системы, установленной Королем. И тогда Король, посредством других кроликов, передает сведения о неугодных особях удавам. После чего удавы выслеживают преданного Королем кролика и поедают его.

Двумя этими средствами управления крепится все кроличье государство (сами кролики об этом не подозревают). «Король знал, что только при помощи надежды (цветная капуста) и страха (удава) можно разумно управлять жизнью кроликов» [7; 61]. И вся «утопия» рушится тогда, когда один из кроликов — Задумавшийся — начинает понимать, что гипноз, который удавы используют для поимки кроликов, является всего лишь плодом трусливого воображения самих кроликов. «Теперь я твердо знаю: ваш гипноз — это наш страх. Наш страх — это ваш гипноз» [7; 45]. Король, недовольный чрезмерным вниманием кроликов к персоне Задумавшегося, решает обыкновенным способом устранить неугодного. Однако обман был раскрыт благодаря ученику Задумавшегося — Возжаждавшему, а также двум обезьянам, которые видели кролика-предателя, пропевшего песню с сообщением о том, где находится Задумавшийся, удавам. Несмотря на это обстоятельство, Королю удается управиться с кроликами и удержать власть в своих лапках. Однако повсеместно кролики начинают проверять предположение о том, что гипноз удавов — это всего лишь результат их страха, и опыты эти оказываются успешными. Удавы больше не страшны кроликам. Потеряв такой сильный инструмент управления, Король активно использует второй (мифическую цветную капусту). Но это не помогает, и его власть слабеет. Королевство кроликов близко к разрушению. Король видит, что назревает бунт.

Но, в конечном счете, один из удавов находит другое средство ловли кроликов и постепенно жизнь в джунглях возвращается на круги своя: удавы снова едят кроликов, кролики снова боятся удавов. После чего (вот ведь в чем основная загвоздка!) оба общества — и кроликов, и удавов — получают новый расцвет. И «хотя кролики и удавы в сказке Искандера вроде бы противопоставлены друг

другу, вся логика сюжета указывает на то, что палачи и жертвы образуют семейное единство, и жертвы нужны палачам в той же мере, в какой бывшие жертвы не могут выжить сами по себе, без страха перед палачами» [8].

Если отойти от восприятия этого произведения как сказки и вернуться к тому, что мы позиционируем его как антиутопию, необходимо найти элементы, которые явно укажут на правильность нашего восприятия.

Как и в ранее изученных произведениях, мы находим в «Кроliках и удавах» некую социально-политическую систему, которая для жителей этой самой системы представляется вполне приемлемой, даже подходящей. И если бы не противостояние отдельных кроликов установившемуся политическому строю, то, вероятно, ввиду спокойного принятия этой системы остальными кроliками, ее даже можно было бы назвать утопической. В произведении личности, противостоящие государству, представлены Задумавшимся и Возжаждавшим, которые стремятся найти выход из тирании удавов, но не могут помочь никак своим соплеменникам, так как тиранию удавов активно поддерживает их Король. Возникает уже встречаемый нами конфликт, выраженный через противостояние Личности (Возжаждавший) и Государства (Король, Допущенные к столу).

Общество, описанное у Искандера, подчиняется Королю, позиционирующему себя как отца всех крольчат (вспомним «1984» Оруэлла и образ Старшего Брата). Это же самое общество соблюдает определенную иерархию. Очень важным здесь является противостояние кроликов удавам. Если обратиться к Оруэллу и его роману «1984», то мы вспомним, что там одним из средств воздействия на людей и их сплочения является наличие внешнего врага, на которого перенаправляются весь страх и гнев жителей Океании. Внешний враг у Оруэлла — выдуманные войска Остазии и Евразии. В произведении Искандера враг вовсе не выдуман, а реально существует и даже вполне удобно взаимодействует с правящей верхушкой кроличьего Королевства. Между самими обществами кроликов и удавов также можно провести параллель. И там, и там имеется достаточно жесткий правитель. Разве что у Кроликов он действует скрыто, а у удавов — открыто. Всех, кто считается неудобным для их общества, обе системы отторгают. И, даже зная о довольно жестких и резких деяниях своих правителей, зная или догадываясь об их обмане, ни одно из этих обществ не стремится к тому, чтобы раскрыть суть системы и свергнуть правителя. Напротив, слушая речи Возжаждавшего о коварстве Короля, кролики ждут, жаждут (!), чтобы Король обманул их.

Очень интересными для нашего внимания являются: таблица размножения, установленная Королем, согласно которой кролики должны размножаться с такой скоростью и в таком количестве, чтобы покрывать количество кроликов, съеденных удавами, и даже быть немного впереди; специальная служба, суть которой состоит в том, чтобы постоянно следить за всеми кроliками без исключения и выявлять тех, кто мог бы построить заговор против Короля. «Держа в руках королевскую власть, Король кроликов с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы эту власть удержать. Для чего власть, думал Король иногда, если все силы уходят на то, чтобы ее удержать?» [7;129]. Похожие мысли мы встречали в романе Оруэлла «1984», где член внутренней партии О'Брайен прямо говорит читателю (обращаясь к Уинстону), что власть нужна только ради самой власти.

Тот же самый принцип легко усвоился персонажами произведения В.Войновича «Москва 2042». Главный герой, Виталий Карцев, отправляется в Москву 2042 г. для того, чтобы написать репортаж об этой поездке. По прибытии Карцев оказывается в Москорепа (Московской ордена Ленина Краснознаменной Коммунистической республике), стране подлинного и чистого коммунизма. Верхушка этого государства поставила в числе своих основателей и покровителей Иисуса Христа и некоего Гениалиссимуса. Карцев с удивлением изучает все изменения, произошедшие со страной за 60 лет, которые он перемахнул путешествием во времени. Изначально Виталий ловит на лету все особенности жизни в столь необычном государстве. Он хорошо сходится с правящей верхушкой, так как те самостоятельно активно пошли на контакт и даже, как оказалось, устраивают большой юбилей в честь своего любимого «предварительного писателя». Карцеву приходится познакомиться с такими явлениями Москорепа, как Управление естественных функций, Дворец любви, Бумлит, Безбумлит, Прекомпит и т.д. Он узнает, что нынешнее государство образовалось после некоей революции, учиненной Гениалиссимусом и его помощниками. Однако постепенно Виталий получает сведения о том, что Гениалиссимус, который стремился сделать жизнь людей лучше, сам оказался ненужным элементом системы. Люди, которых он поставил управлять новым государством, решили оставить его болтаться в воздухе в специальном агрегате, где он теперь постоянно живет. Фактически вычеркнутый из им же построенной системы, Гениалиссимус остается в Москорепа идолом, которому все поклоняются и

которого все любят. Уровень преклонения перед Гениалиссимусом стал настолько велик, что в сознании общества Гениалиссимус стал обожествляться. Это отразилось даже в речи москореповцев, которые активно используют восклицание «О, Гена!» (вероятно, сокращенное от «гениалиссимус») взамен всем известного «О, Боже!».

Жизнь в государстве пришла, в конечном счете, совершенно не к тому, о чем изначально мыслил Гениалиссимус. Равенство, которое изначально старался установить Гениалиссимус, на самом деле перешло в иерархичную систему, где твоё социальное положение определяется так называемым уровнем потребностей. Если ты сделал для государства что-то весомое, если ты соблюдаешь весь его уклад, если ты добропорядочный житель Москорепа — твой уровень потребностей становится выше. А это означает, что ты можешь получать продукты и товары лучшего качества и в большем объеме. Занятно то, что сами жители Москорепа искренне считают, что у них продолжает оставаться принцип всеобщего равенства.

Немного комичной и притом абсурдной становится реализованная идея обмена внутри государства продукта первичного на продукт вторичный, где первичным продуктом является еда, а вторичным — отходы жизнедеятельности человека. Только сдав продукт вторичный, ты получаешь талон на право получения первичного. Учитывая порядок действия этой системы, наблюдается подмена идеалов, когда вторичный продукт становится первичным, а вторичный — первичным. И данный факт изначально совершенно не укладывается в сознании главного героя и заставляет его дискутировать с обыкновенными представителями этой системы.

Интересен тот факт, что в управлении страной участвуют две политические организации: Коммунистическая партия государственной безопасности и так называемая БЕЗО. Наличие двух групп, которые, исходя из названия, должны заниматься безопасностью государства, также ставят Виталия в тупик. Позднее от одного из героев он узнает, что вся служба БЕЗО состоит сплошь из иностранных агентов, которые только и жаждут, чтобы строй Москорепа развалился.

Очень ярким моментом иллюстрации своеобразия системы в произведении является знакомство Карцева с местами, где создаются всевозможные художественные и агитационные произведения (зачастую они совмещают в себе одно и то же). Писательское общество разделяется на два вида: Бумлит и Безбумлит. В Бумлите признанные идеологически правильными и талантливыми писатели создают коллективно различные произведения о Гениалиссимусе. Писатели Москорепа искренне удивляются, как Карцев мог писать свои произведения самостоятельно, но, вспомнив, как его произведения не соотносятся идеологически с их строем, мгновенно приобретают понимание правильности коллективного написания текстов.

Безбумлит — еще более интересная организация. Весь ее строй направлен на то, чтобы многое количество разнообразных писателей, работая каждый день на компьютере, создавали произведения различного типа и характера. Всё их творчество попадает на обработку в специальный компьютер, способный обрабатывать эту информацию и отбирать самые лучшие произведения. Однако на деле оказывается, что компьютера как такового вообще в Безбумлите не существует, и писатели, старательно выводящие свои мысли посредством печати их на клавиатуре, тратят время впустую.

Жители Москорепа, при этом, кажутся вполне довольными созданными условиями проживания и ни к чему не разрешенному государством не стремятся. И главный герой вполне вписывается в систему до того момента, когда «неожиданно для себя оказывается действующим лицом и организатором новой революции» [6; 128]. Как оказалось, существует незаконная организация так называемых симитов, которые, следуя идеологии писателя Сима Симыча Карнавалова, желают низвергнуть существующий политический строй.

Интересен способ борьбы государства с симитами. Не имея возможности как-то открыто противостоять им, государство, увидев, что некоторые люди очень часто употребляют слова, содержащие слово «сим», запрещают использование всех этих слов. Но общество находит новый способ подорвать уверенность государственных работников в их устойчивости, переделывая иные слова так, чтобы в нем появлялось сим. Так, например, семантика стала СИМантикой.

Поддерживая традиции классических антиутопий, Войнович использует в созданной им системе регуляцию межполовых отношений и управление институтом семьи. Каждый брак заключается лишь на 4 года. Установлен возраст, с которого мужчины и женщины могут вступать в брак и с которого им это запрещается («В брак разрешается вступать мужчинам с 24 лет, а женщинам с 21 года... По истечении продуктивного возраста (у женщин 45, у мужчин 50 лет) браки автоматически расторгают-

ся» [9; 208]). Если же мужчина и женщина хотят быть вместе более того срока, который дает им государственное устройство, то им приходится идти вне системы и встречаться незаконно, где придется.

Кстати, гениальной особенностью этой системы является отсутствие в Москорепе больных и смерти как таковой. И здесь, в отличие от Хаксли, который дает возможность своим персонажам продлевать жизнь и молодость с помощью медицины, Войнович просто высылает людей умирать в первый круг враждебности. Оставляя, таким образом, внутри Москорепа просто идеальную статистику по здоровью и благосостоянию людей.

Рассматривая классические антиутопии, мы отметили, что среди них есть те, в которых утопическая система дается в уже готовом виде, а есть те, где она только строится. В рассказе «Об Аке и человечестве» мы видим некий этап становления их государственной системы. Однако проследить весь путь, как в «Скотном дворе» Оруэлла, нельзя.

Произведение Анатолия Николаевича Курчаткина не только дает нам возможность посмотреть еще раз, как может быть построена утопия, но и показывает, как легко она может быть разрушена. И это произведение — повесть «Записки экстремиста».

Первоначально в произведении мы узнаем о каком-то городе, где наблюдается катастрофическая ситуация с общественным транспортом: его мало, он очень старый, а людей очень много, и всем куда-то нужно ехать.

Молодой парень, только что вернувшийся из армии, читает заметку в газете о том, что в его городе планируется построить метро. Однако никаких реальных свидетельств начала строительства нет. Однажды, став свидетелем гибели под колесами трамвая пожилого мужчины, парень решает, что настало время требовать от городских властей решительных шагов в предоставлении нового вида общественного транспорта. После этого герой Курчаткина выходит на митинг, где видит, неожиданно для себя, таких же равнодушных. Митинг разогнали власти. Во время другого, более масштабного митинга парень встречает человека, с которым позднее он и многие другие начнут строительство метро в городе самостоятельно. Вопреки желанию властей, которые учиняют всевозможные препятствия добровольцам, так называемое «Вольтово братство» продолжает строить метро. Когда же тяжбы с властями становятся непосильными, герои принимают решение уйти под землю, продолжив строительство метро, и организовать полностью автономное от земной жизни общество. Таким образом, начинается история развития нового общества, практически государства, которое за время постройки метро все развивалось и развивалось. Строились подземные производства, больницы, школы. Поколения начинали сменять друг друга (за все время постройки метро под землей успели прожить три поколения). И все люди, что некогда ушли под землю, и их подрастающие дети и внуки сделали постройку того самого, невероятно нужного городу метро единственным смыслом своего существования. Эта идея направляет и приободряет каждого жителя подземного города в их труде. Но в какой-то момент настает критический перелом, когда оказывается, что общество перестало существовать само для себя. И не идея теперь нужна им, а они — идея. Идея о метро — Дело — стала не просто светлой мечтой, а новой доктриной, пропагандируемой среди народа теми, кто постепенно совершает захват власти и практически организует тоталитарное общество. Теперь все, что происходит под землей, — только ради идеи. Люди будут работать и гибнуть на благо идеи. Главный герой, который в свое время получил в «Вольтовом братстве» прозвище Философ, оказывается вынужден стать палачом для собственного друга. А другу приходится умереть, чтобы поддержать идею о важности Дела. Энтузиазм строителей метро падает, и, чтобы «поддержать» их, новоустановившийся лидер — Рослый устраивает публичную казнь Магистра. «Большое дело только на крови крепко стоит! Кровь — как известь в кладке! Кровь виной связывает! А пуше вины нет ничего, такими нас господь создал: без вины все из хомута норовим, а с виной и тройной воз — пушинка!» [10; 61]. Так поясняет Рослый свои действия.

Апогеем этой истории становится ситуация, развернувшаяся после окончания строительства метро. Итак, метро готово, строители, гордые своим творением, желают наконец подарить свой труд городу. Но, выйдя на поверхность, обнаруживают, что метро, которое они строили, оказывается никому не нужно: за время, пока они были под землей, на земле появился совершенно новый вид транспорта, работающего за счет преодоления силы гравитации, дающей возможность специальным вагончикам буквально парить в воздухе. Часть их общества, разочарованная и морально убитая таким исходом, закрывается снова в подземном своем мире и совершает массовое самоубийство.

Главный герой, Философ, остается жив. Он вынужден теперь жить в обществе, ради которого он потратил свою жизнь и которому его жертва оказалась не нужна. Интересным является то, что все

повествование, ведущееся от его лица, Курчаткиным названо «Записки экстремиста». И это, по сути, второе имя героя вполне ему соответствует. Его действительно можно считать экстремистом, человеком, способным идти на экстраординарные меры для осуществления своих идей. Получается опасное сочетание философии, дело которой объяснять мир, а не изменять его, выдвигать теории мироустройства, и экстремизма, проповедующего крайние меры для воплощения этих теорий в жизнь. Это сочетание опасно потому, что утопические теории жизни, получая прямое отражение в социальной практике, неизбежно вступают в противоречие с мироустройством и природой человека.

Если в ранее проанализированных текстах антиутопических произведений мы чаще всего сталкивались с прямой подачей конфликта, образующегося между Личностью и Государством, то в произведениях В.С.Маканина «Лаз» и «Последний лагерь» мы видим несколько иную, скрытую форму подачи того же противостояния.

В первом из них, под названием «Лаз», мы встречаемся с неким Ключаревым: интеллигентом, живущим в полуразрушенном, полузаброшенном городе. Причины такого плачевного состояния города в произведении не раскрываются. Однако условия, в которых живут Ключарев с семьей и две дружественные ему семьи, просто ужасны. Магазины и иные общественные места не работают. Транспорт также ходит нерегулярно и только поближе к центру города. Достать самые необходимые для поддержания жизненных потребностей продукты практически невозможно. Чтобы все же обзавестись хотя бы минимумом нужных вещей, Ключарев регулярно спускается по лазу, спрятанному в траве, под землю, в какой-то город, который был организован, вероятнее всего, в связи все с той же, неизвестной нам, катастрофой. Лаз ведет непосредственно в небольшой паб, где постоянно собираются побеседовать и отдохнуть различные интеллигенты. А из этого паба Ключарев выходит в сам город, где и запасается всем необходимым.

В этой повести мы не увидим явного противостояния Личности и Государства, как в ранее рассмотренных нами произведениях. Но имеет место противостояние отдельного человека и толпы. Это противостояние в «Лазе» становится настолько весомым, что от него буквально зависит жизнь. Толпа действует как одно большое, ужасающее существо. Она живет по какому-то дикому закону всеобщего единения, готова сметать все на своем пути и даже не заметит, если в ее пучине погибнет отдельная личность. Немыслимым водоворотом людей толпа сначала захлестнет эту личность, а потом, изможденную, выкинет на обочину. «Толпа у Маканина — лишенная сознания стихия. Она поглощает отдельных людей, чтобы стащить их по эволюционной лестнице обратно — в стаю, в стадо, в муравейник, в пчелиный рой. Она узурпирует свободу каждого, заменяя ее произволом всех. Толпа у Маканина всегда хуже людей», — отмечает А.Генис [11].

И несмотря на то, что в самом произведении не открывается тайна возникновения толпы, не говорится, почему толпа появляется в темное время суток, Маканину удается передать самое основное — стихийность, сплоченность и безжалостность этого людского образования. Если в романе «Мы» Замятина номер Д-503 рад быть частью толпы, говоря с восхищением о себе и согражданах: «мы идем — одно миллионноголовое тело, и в каждом из нас — та смиренная радость, какую, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты» [12; 156], то для Ключарева толпа — это страшный кошмар его полуразрушенной реальности.

«Слышен не существующий почти топот тысяч ног на улице, шарах-шарах-шарах... Боясь, что... набегут и затопчут... в воздухе возникает шероховатый плывущий звук... Они будут давить все подряд... Уже слышно тысяченогое шарканье по асфальту и смутный гул... толпа густеет, их начинает сминать, тащить. Лица толпы жестоки, угрюмы. Монолита нет — внутри себя толпа разная, и все же это толпа, с ее непредсказуемой готовностью, с ее повышенной внушаемостью [13; 334].

Удивительно также то, что не только в думах Ключарева толпа предстает как легкодоступное для внушения общество. Даже сидящие в подземельных пабах интеллигенты, размышляя о том, как восстановить порядок в своем мире, приходят к мнению, что объединение людей страшно само по себе. Единый народ рано или поздно подчинится какому-то единому порыву, и тогда ничто не сможет остаться в стороне. Даже полиция или войска, призванные на успокоение народа, также подчинятся инстинкту толпы и «они непременно запоздают. Они стопроцентно запоздают, потому что они и толпа — одно общее...» [13; 347]. Сами по себе разговоры интеллигенции о возможных действиях войск, а также замеченные Ключаревым на улицах милицейские патрули наводят на мысль, что государственный аппарат, если и не продолжает работу на нужном уровне, то, как минимум, все еще существует. Отсюда можно сделать вывод, что государство, по каким-то причинам, попускает грабе-

жи, разгул, стихийную организацию массовых шествий. Таким путем, через образ толпы, нам все же дают указание на противостояние Личности и Государства.

Невозможно оставить без внимания явное противопоставление двух миров — наземного и подземного. Различные критики и исследователи творчества Маканина по-разному трактуют их назначение. Одни считают, что это отсылка к состоянию России 90-х годов и заграницы, где первая шокирует своей «разрухой», пустыми прилавками, страхом людей перед будущим, а вторая — манит достатком и стабильностью [14]. По мнению других, наземный мир представляет собой реализацию интеллигентского ада, а подземный — интеллигентского рая. Наверху у Ключарева семья, бедность, заботы о мелких бытовых вещах, толпа... Внизу — уютные столики, за которыми собираются умные и образованные люди, рассуждают на высокие темы, пьют вино и вкусно едят [15]. Но, как бы не было велико искушение остаться внизу, Ключарев, протискиваясь в лаз, постоянно возвращается обратно.

Сложно однозначно сказать, что именно показывает нам автор через образ этого самого лаза. Почему герой, страдая каждый раз, пролезая в него в одну сторону и позже выбираясь обратно, все же делает эту двустороннюю вылазку? Он постоянно возвращается к тому страшному миру, в котором ему приходится обитать. Он ищет пути временного спасения и проживания для близких. Вероятно, ответ можно найти в образе того мужчины, который, увидев на улице случайно уснувшего Ключарева с кульками нужных вещей, будит его, потому что «нельзя спать на улице, это опасно». И он не обворовывает его, как стало принято уже в их мире. Просто будит.

Этот герой дает нам понимание того, что люди из наземного мира еще не разложились морально до того уровня, чтобы не иметь пути к социально-психологическому перерождению. Появляется надежда, что толпа все еще способна разбиться на ранее существовавшие личности, все еще способна понимать и сострадать.

Тема сострадания (или его отсутствия?) полностью пронизывает другое произведение Маканина — «Последний лагерь». Здесь мы видим мир 2200 г. В этом мире уже давно не осталось войн, установилось доверие между людьми и концернами. Разве что на производствах синтезированного из белка мяса соблюдается излишняя, по мнению главного героя, секретность.

Главным героем является молодой инженер, разработавший специальный узел, который должен быть добавлен на конвейер переработки мяса. Его отправляют на предприятие, расположенное далеко в степях, с тем чтобы он лично проконтролировал процесс установки разработанного им узла и эффективность его работы. Желая провести доскональную проверку работы узла, «молодой командированный» [16; 209] требует от начальства завода пропустить его на все уровни производства. Проследив процесс получения мяса, мужчина осознает, что все это время его и остальных людей обманывали. Мясо не является результатом работы специальных лабораторий. Оно, как и прежде, получается в результате забоя животных и их разделки. Но эту информацию командированному придется держать в себе, так как умные управляющие предприятием дали ему на подписание бумагу, согласно которой он не может разглашать все, что увидит, а в случае разглашения официально будет признан невменяемым. И вот мужчина остается с этим ужасным знанием, абсолютно не способный справиться с его тяжестью. Первоначальное желание сбежать из этого места перебивается мыслью о том, что он не будет способен спокойно жить в обществе, где люди постоянно едят якобы синтетическое мясо, поедая при этом части некогда живых организмов. Однако молодой командированный все же решается на попытку бегства. Надеясь, что его сможет подобрать пролетающий мимо вертолет, герой уходит в степь, чтобы зажечь там сигнальный костер. С каждой своей вылазкой он обнаруживает все больше таких же, как он, людей, разжигающих костры. И даже те, кто, как ему казалось, спокойно переносят осознание того, что людям во всем мире приходится есть убитых животных, также держатся за надежду быть подобранными рейсовым вертолетом и унесенными из этого замкнутого в степи, ужасного мира скотобойни.

Очень важным фактором создания антиутопической атмосферы в этом произведении является само сознание людей, представленное автором. Да, им жаль животных. Но, существуя в мире, где правит один большой обман, они готовы подчиниться ему и продолжать жить так, словно и сами верят в рассказы о том, что все мясо, пригодное в пищу, синтезировано. Более того, главный герой постепенно в своих размышлениях доходит до осознания того факта, что и люди, явно не знающие об обмане, все же догадываются о нем, но предпочитают молчать.

Произведение Татьяны Толстой «Кысь» является, пожалуй, одной из самых обсуждаемых и притягивающих внимание антиутопий. В этом произведении Толстая показывает нам мир после какого-то Взрыва, который, как говорила матушка главного героя, произошел оттого, что «люди играли и

доигрались с АРУЖЫЕМ» [17; 17]. Весь мир, представленный Татьяной Толстой, заключается в постапокалиптическом городе Федор-Кузьмичске («... а до того, говорит матушка, звался Иван-Порфирычск, а еще до того — Сергей-Сергеичск, а прежде имя ему было Южные Склады, а совсем прежде — Москва» [17; 18]) и видится нами через восприятие Бенедикта, одного из жителей этого города. Как и все остальные жители, Бенедикт очень доволен жизнью в этом городе. Все восклицания Пржежных о том, что ранее было лучше, совершенно не трогают его. То, что рассказывают Пржежные о магазинах, достатке, красивых улицах, домах, о культуре, — все в представлении Бенедикта выглядит бредово и несуразно. Разве может быть что-то лучше его мира, где обычная домовая мышь является средством купли-продажи необходимых вещей, а также и главным ингредиентом практически всех блюд. Бенедикт доволен властью Федора Кузьмича, «Набольшего Мурзы», который управляет городом с помощью меньших управителей. Федор Кузьмич находится «в непрестанной о людях заботе», пишет множество стихотворений, сказок, басен, рисует для своего народа различные картины (по факту же, нагло приписывает себе творчество всех известных писателей и художников, существовавших до Взрыва). Так же, как и в произведениях Оруэлла и Войновича, Федор Кузьмич предстает своего рода идолом, которому все поклоняются. Его любят, его восхваляют, ему выражают благодарность за то, что он управляет ими, такими глупыми и самостоятельно ни на что неспособными. Общество, в котором обитает Бенедикт, строится вертикально иерархично. Во главе всех идет Набольший мурза, потом Меньшие мурзы, а затем уж остальные жители. В зависимости от занимаемого поста определяется и достаток жителей города. Помимо всего этого, существуют специальные санитары, которые изымают у людей старопечатные книги и отправляют «голубчиков» (именно так на протяжении всего повествования называет людей Бенедикт) на излечение. Став зятем Главного санитаря, Бенедикт получает неожиданно для себя доступ к целой библиотеке старопечатных книг. Открыв глубину книжного слова (художественное здесь не будет подходящим, так как Бенедикт зачитывался и научной литературой, и публицистической), Бенедикт переводит сам смысл своего существования в постоянное чтение все большего количества книг и журналов. Когда же книги в его библиотеке заканчиваются, Бенедикту ничего не остается, как стать одним из санитаров и начинать теперь изымать книги у дуралеев, которые, не зная, какое богатство у них содержится, могут пускать книги на свои нужды в уборных или закрывать книгами вместо крышек посуду.

Но всех людей проверить невозможно. И вдруг Бенедикт осознает, что у Федора Кузьмича в его доме должно содержаться огромное количество книг: откуда-то же он воровал «свои» сочинения? (Да, да, постепенно и к пониманию этого пришел Бенедикт.) Воспользовавшись тягой Бенедикта к книгам, его тесть устраивает с помощью своего зятя государственный переворот и захватывает власть в городе, который отныне будет именоваться Кудеяр-Кудеярычск (по имени нового правителя). Бенедикт, управляемый Кудеяром через доступ к книгам, даже оказывается вынужден участвовать в казни своего старого знакомого, друга его матери, главного истопника Никиты Иваныча (вспомним Философа, который тоже участвовал в казни друга).

За время тех событий, что описаны в произведении Толстой, Бенедикт сменяет свое мировоззрение с человека, полностью довольного системой, в которой живет, до человека, который готов свергнуть эту систему, лишь бы получить еще одну книгу.

Знаменательно, что весь город, оставшийся после Взрыва, живет где-то на уровне полудикого славянского общества. Или, как говорит Мария Ремизова, «изображена цивилизация дикарей в узнаваемо русских декорациях» [18].

Проанализировав произведения современных авторов-антиутопистов, можно сказать, что все признаки жанра антиутопии, заложенные в классических произведениях этого жанра, также прослеживаются и в текстах более современного периода.

Установленные нами признаки, такие как: наличие антиутопического конфликта, строго определенный социальный строй, наличие всевозможных методов воздействия на человека и общества, — не только находят свое подтверждение в современных антиутопиях, но и расширяют их. Например, две противоборствующие стороны антиутопического конфликта могут иметь дополнительные характеристики, которые прослеживаются в различных антиутопиях. Методы воздействия на людей группируются по общности уровня, на котором работают, и они также прослеживаются в ряде антиутопий.

Список литературы

- 1 Петровский М. Смех под знаком Апокалипсиса (М.Булгаков и «Сатирикон») // Вопросы литературы. — 1991. — № 5. — С. 3–75.
- 2 Русская антиутопия: Антология. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. — 636 с.
- 3 Муратханов В. Кровь и чернила антиутопии // Октябрь. — 2012. — № 5. — С. 189–191.
- 4 Голубовский Е.М. Много званых, но мало избранных // Зозуля Е.Д. Мастерская человек. — [ЭР]. Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net>.
- 5 Даниэль Ю.М. Говорит Москва: Проза, поэзия, переводы. — М.: Моск. рабочий, 1991. — 318 с.
- 6 Черняк М.А. Современная русская литература. — СПб.: САГА, 2004. — 352 с.
- 7 Искандер Ф. Кролики и удавы. — М.: Изд. дом Текст, 1992. — 400 с.
- 8 Липовецкий М. Знаменитое чегемское лукавство. Странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. — 2000. — № 103. — [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103>
- 9 Войнович В. Москва 2042. — М.: Эксмо, 2007. — 384 с.
- 10 Курчаткин А. Записки экстремиста // Кабаков А. Невозвращенец. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 160 с.
- 11 Генис А. Иван Петрович умер. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 336 с.
- 12 Замятин Е.И. Мы. — М.: Азбука, 2006. — 224 с.
- 13 Маканин В. Лаз. — М.: Эксмо, 2009. — 448 с.
- 14 Немзер А. Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов // Новый мир. — 2000. — № 1. — [ЭР]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/nemzer.html
- 15 Володихин Д. Место встречи... Фантастика и литература основного потока: конвергенция? // Знамя. — 2005. — № 12. — [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znania/2005/12/volo10.html>
- 16 Маканин В. На первом дыхании. — М.: Вагриус, 2004. — 256 с.
- 17 Толстая Т. Кысь. — М.: Эксмо, 2007. — 414 с.
- 18 Ремизова М. Grandes dames прошедшего сезона. Заметки о литературных премиях // Континент. — 2011. — № 150. — [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/r12.html>

Л.Р. Шевлякова, В.В. Мещерякова

Қазіргі қиялға қарсы жанрдың герменевтикасы

Мақалада теориялық жұмыстар негізінде бірінші қорқынышты оқиғалар жиынтығынан жанрдың жаңа даму үстіндегі 1960–2000 жж. қиял шығармаларына дейін жан-жақты талдау жасалған. Авторлар қиял қаттығыстың ерекшелігін, қоғам құрылымын және тұлғаға ықпал етудің сипатын зерттеген. Сондай-ақ қиялдың жанрлық факультативті және конституциялық қасиеттері аясында қиялға және қиялға қарсы шығармалар салғастырмалы түрде берілген.

L.R. Shevlyakova, V.V. Meshcheryakova

Hermeneutics of genre of modern antiutopia

The authors of the article, leaning against theoretical works, conduct the deep analysis of texts of antiutopias from the first antiutopian works to the works created on the new coil of development of genre in 1960 are 2000-th. The detailed consideration the specific of antiutopian conflict, type of public device and character of total pressure, is exposed to on personality etc. Interesting is a comparable analysis of utopia and antiutopia, selection on this background of constitutive and optional genre signs of antiutopia. Authors offer own interpretation of display of genre signs on the example of great number of works of Russian and world literature, showing possession the same basic principles of hermeneutics is interpretation and interpretation of text taking into account consciousness of perceiving work personality.

References

- 1 Petrovsky M. *Questions of literature*, 1991, 5, p. 3–75.
- 2 *Russian antiutopia: Anthology*, Moscow: B.S.G.-Press, 2014, 636 p.
- 3 Muratkhanov V. *October*, 2012, 5, p. 189–191.
- 4 Golubovskiy E.M. *Much invited, but small select*. [ER]. Access mode: <http://ruslit.traumlibrary.net>.
- 5 Daniel Yu.M. *Moscow talks*, Moscow: Moscovskiy rabochiy, 1991, 318 p.

- 6 Chernyak M.A. *Modern Russian literature. Train aid*, Sankt-Peterburg: SAGA, 2004, 352 p.
- 7 Iskander F. *Rabbit and boas*, Moscow: Text, 1992, 400 p.
- 8 Lipovetskiy M. *Continent*, 2011, 150, [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103>.
- 9 Voynovish W. *Moscow 2042*, Moscow: Eksmo, 2007, 384 p.
- 10 Kurshatkin A. *Messages of extremist*. Kabakov A. Nevozvrashchenets, Moscow: Molodaya gvardiya, 1990, 160 p.
- 11 Genis A. *Ivan Petrovich died*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 336 p.
- 12 Zamyatin E.I. *We*, Moscow: Azbuka, 2006, 224 p.
- 13 Makanin V. *Manhole*, Moscow: Eksmo, 2009, 448 p.
- 14 Nemzer A. *Novyi mir*, 2000, 1, [ER]. Access mode: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/nemzer.html.
- 15 Volodikhin D. *Znamya*. 2005, 12, [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/12/volo10.html>.
- 16 Makanin V. *On the first breathing*. Moscow: Vagrius, 2004, 256 p.
- 17 Tolstaya T. *Kys*, Moscow: Eksmo, 2007, 414 p.
- 18 Remyizova M. *Continent*, 2011, 150, [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/r12.html>.

Репозиторий КарГУ